

«В СЕМНАДЦАТЬ ФЕЕРИЧЕСКИХ ЛЕТ...»

О ТОМ, ЧТО ЛИТОВСКИЙ ШКОЛЬНИК сочинил пьесу и что его пьесу поставил театр, уже писали. Случай редкий. Но я еду к Роландасу Растваускасу не за сенсацией. В Вильнюсе мне не удается увидеть этот спектакль «Воздушный змей гонок» (Государственный молодежный театр Литовской ССР на гастролях), но не огорчаюсь: может, и к лучшему. В спектакле — вдохновение многих, а каков автор сам по себе, без ореола? Случаен ли этот успех в его судьбе? И как он выносит испытание ранней славой? Канатоходец, балансирующий над пропастью? Не закружится ли голова?

Звоню в дверь, но не из дома, откуда-то из густоты сада выбегает юноша в джинсах, с книгой и с такой свежей, незащищенной улыбкой, что мои опасения как-то враз и весело исчезают. Пять дней в Паланге, пять дней с Роландасом и с людьми, которым он особенно дорог, и я убеждаюсь: «канатоходец» не сорвется. Его мир так плотно заせいен чувствами, мыслями, знаниями, что «пропасти» негде поместиться, а «веревка»... Она натянута по самой земле. И хватит об этом.

«Вы нашли Гитиса?» — так он начинает главную тему наших будущих разговоров. Когда я звонила из Москвы, он советовал: «Обязательно отыщите Гитиса, он знает о пьесе больше, чем я. Это самый близкий мне человек. Да, да, учится в ГИТИСе и зовут Гитис. Странно?» Я пыталась разыскать, но... Роландас огорчен. Наша встреча теряет для него всякий интерес. Умолкает, и ясно, что надолго. «Роландас, у меня был всего один день, а вечером — концерт. Клиберн...» «Клиберн», — мягко поправляет он, а тёплые глаза уже теплеют, загораются азартом: «Хотите, послушаем Моцарта? А орган любите? А наши литовские песни?» Когда бы я ни приходила, с Роландасом была музыка. Мама-врач встревожена: «Это же двойная нагрузка! Учит уроки, и — музыка, пишет, и — музыка!» «Жизнь коротка», — улыбается маме сын.

Люди, остановитесь! Люди, разве можно прийти, промелькнуть и не оставить следа? Люди, поднимите уголки губ! Не хочу быть незаметным и севрым. Почему я не могу смеяться в свои семнадцать феерических лет?

Это — Роландас? Нет, герой его пьесы Рокас. Но, может быть, голоса сливаются? Ведь герою, как и автору, — семнадцать. Не знаю, можно ли, сидя в зале, испытать большее потрясение, чем от этого трехдневного спектакля, когда автор совмещал в себе переводчика (на русском языке пьесы нет), всех актеров, театрального режиссера и еще Гитиса: «Гитис считает... Гитис сказал...» Он забывал о моем присутствии. И о своем тоже. В эти минуты полнее, чем в обыденности, он был самим собой. Ведь четверо его героев — живые «четвертинки» авторского «я». Ну, а пьеса... «О чём пьеса, Роландас?» Отвечает смущенно: «Наверное, тема поиска себя, истины. Если бы я писал сейчас, совсем отказался бы от сюжета, а сделал одни поэтические монологи».

Итак, пьеса-исповедь. Не буду излагать ее сюжет. Ценно другое: в ней раскрыт внутренний мир «...надцатилетних», тот мир, который взрослые театры и вообще взрослые могут только изучать, угадывать, а возвращаться в него никак не могут. Нет, Роландас не сочинил пьесу, он ее пережил и нам с безоглядной искренностью доверил. Ведь только в исповеди можно услышать, что мальчики, упоенные своей молодостью, гордые юной правотой, наедине с собой сжимаются от боли.

Кто мы? Зачем мы? ...Мы не стояли на баррикадах. Мы не погибли в войну. Набаты вопроса разбивают че-рез: «А мы могли бы?» Неуже-ли же наша жизнь — вариа-ция на тему «наслаждение»?

Дом так близко от моря, что слышен прибой, но не только поэтому дом похож на корабль. Комната Роландаса на «верхней палубе», за винтовой деревянной лестницей. Всем живописным местам Паланги он предпочитает свою комнату, где любимые книги на четырех доступных ему языках (среди русских изданий с удивлением встречаю почти все новинки, которые невозмож но купить в Москве), где музыка и письменный стол, где два пера чайки и одно — утки.

Однажды Роландас: «Меня ругают: живешь у моря, а о море не пишешь. А я говорю: если в рассказах море не бро-сается в глаза, это еще не значит, что его нет».

Если жизнь человека, видимая глазами, благополучна, еще не значит, что и внутри штиль-комфорти. Да разве совместимы: спокойствие и «семнадцать феерических лет»? Да разве он один на свете? И разве не должен как-то отплатить всем за то, что беззабочно счастлив? Может быть, зоркой ответственностью за жизнь вокруг? Непримири-мостью к «мещанам, утопаю-щим в аквариумах равноду-шия»?